Глава 187 Невысказанные Слова

Сайлас смотрел внутрь себя, его энергия бурлила, как водовороты. Там, где когда-то билось одно сердце, совсем недавно дрожали два, а теперь три. Естественно, это были не сердца в прямом смысле слова, но это не имело значения. Теперь у него было три жизни, и хотя многие обрадовались бы этой мысли, он нахмурился.

Он и так слишком долго умирал - в последний раз он действительно сбросился с Перевала, падал неизвестно сколько времени, разбился вдребезги об пол и прожил в виде пасты почти четыре дня, прежде чем умер. На самом деле, все это время он должен был сознательно препятствовать тому, чтобы энергия просто собрала его заново и снова сделала целым.

Если бы многие больные и умирающие услышали его, они бы сошли с ума? Однако ему было все равно. Он жил совершенно другой историей, совершенно другой жизнью. То, что для других было раем, для него было адом, и наоборот.

Снова собралась свита, и они пробирались по асфальтированному снегу, оживленно переговариваясь. Снова и снова разворачивалась одна и та же история, одни и те же лица с шоком, ужасом и благоговением встречали его. Те же земли, те же речи, те же смерти, те же страхи, то же отчаяние. Все было одинаково. Настолько, что он оцепенел от всего этого.

Сколько жизней прошло? Он снова сбился со счета. То тут, то там он брал передышку, уходил, один или с Ашей, и, так сказать, "перезагружался". Но даже тогда это почти не помогало. Женщина сказала, что это временно, чувство оцепенения. Полное безразличие ко всему. Что однажды в будущем он снова будет чувствовать. Его сердце не будет ледяным океаном апатии. Прошли сотни лет, и еще сотни - но он по-прежнему ничего не чувствовал.

Нет, это была неправда. Каждый раз, когда он умирал и просыпался под леденящий кровь крик Райны... он чувствовал какую-то нить. Это уже не было мучительное лезвие, пронзающее его душу, но он что-то чувствовал. Глубокая часть его души все еще болела и переживала.

И Аша, вопреки всему, по-прежнему будоражила его сердце. Он не был полностью неподвижным, бесчувственным, нетронутым. Он был близок, на самой грани человеческого и запредельного. Это было прикосновение, выходящее за пределы человеческой грации, прикосновение, которое не позволяло понять, что реально, а что нет. Казалось, что его мозг, не разум, его мозг претерпевает эволюцию - прижатый к стене неизвестным и жестоким миром, он начал искать способы адаптации. Восстанавливаться.

Первым инстинктом было притупить его, онеметь, похоронить все, что он мог почувствовать, чтобы остаться холодным в царстве смерти. Но теперь... теперь он почувствовало надежду, странную и жуткую мысль. Что смерть хоть и далека, но возможна. Ему сказали, что когда-то в будущем будет выбор. И его сердце и разум, в согласии друг с другом, поверили, что одним из этих выборов будет именно он. Смерть.

Он тосковал и жаждал, как забытый и отвергнутый любовник. И из этой тоски... возникло, как ни странно, чувство вины. Он осознал, что был пучком противоречий и парадоксов, рагу из контрастных мыслей, желаний, мечтаний и надежд.

В этом смысле он был похож на маленького ребенка - одаренный невинностью и невежеством, он хотел быть всем. Астронавтом, рок-звездой, актером, профессиональным водителем, супергероем... он был похож на других. Если бы он мог, он разделил бы себя на сотни клонов, и каждый из них воплотил бы все его желания.

Пока остальные дремали в лагере, он смотрел на разгорающийся костер. Он разжигал его не для тепла, а для света и по привычке. Это было странно, но... привычка помогала развеять странности природы.

"Ты снова дрейфуешь", - Аша сидела рядом с ним, положив голову на руки и глядя на огонь.

"... ты можешь сказать?" - спросил он.

"Всегда", - ответила она.

"Это страшно".

"Поговори со мной".

"О чем тут говорить?" - пробормотал он. "Может быть, признание? Я забыл еще одну вещь".

"Что именно?"

"Как я встретил Валена", - сказал он. "И Райну. Даже Деррека. Ах, я полагаю, эти несколько вещей".

"Тебя это пугает?"

"... я был бы счастливее, если бы это было так", - ответил он. "Скорее... мне кажется, что так и должно быть. Есть тысяча других вещей, о которых я забыл. Еще несколько... просто встают на свои места".

"Тогда все в порядке", - сказала она. "Если это кажется так, как должно быть. С возрастом мы забываем некоторые вещи".

"Хм", - размышлял Сайлас, глядя на нее. Хотя в его сознании прошли века, она не изменилась. Более того, она стала более... реальной, если это имеет какой-то смысл. Как будто раньше он видел бесплотный образ чего-то непознаваемого, а теперь он видел то, что было на самом деле. "Мне кажется, или ты продолжаешь светиться с каждой новой петлей?"

"Ах, ты и твой сладкий язык", - оглянулась она на него, нахально улыбаясь. "Хотя слова - это хорошо, девушки тоже ценят цветы, время от времени. Просто чтобы ты знал".

"Ах, да. Цветы. Их в изобилии на замерзшем севере".

"Это сделает подарок еще более особенным".

"Ты можешь продолжать мечтать", - сказал он. "Никто никогда не запрещал этого".

"Поговори со мной еще", - неожиданно сказала она.

"Честно говоря, сказать особо нечего", - ответил Сайлас, сделав глубокий вдох и посмотрев на грязное небо. "Каждая петля... одна и та же. Одни и те же лица. Те же голоса. Те же истории. Каждый раз я продвигаюсь немного вперед, но сюрпризов больше нет. Мы на полпути к столице, а у нас, сколько? Тринадцать-четырнадцать человек, выделенных королевой? Я только сейчас понимаю, каким большим идиотом я был. Если бы я просто сосредоточился на главной сути всего этого... я бы уже закончил".

"Возможно", - сказала она. "Но ты бы многое упустил. В том числе и эту красавицу, понимаешь?"

"Да, это правда", - усмехнулись оба на мгновение. "Я должен перестать ныть, наверное?"

"...Боюсь, жаловаться - это в человеческой природе", - сказала Аша. "Будь то короли или крепостные, дай им стакан эля и послушай, как они рассказывают о своих бедах. Просто с тобой нам даже не нужен эль".

"Бессмысленно, когда я уже не могу спокойно напиться", - вздохнул Сайлас. "Для этого требуется почти пятнадцать бутылок, не говоря уже о том, что я сознательно успокаиваю свою энергию. К тому времени, как я напьюсь, я бы вылил новую реку в существующую. Оно того не стоит".

"Видишь? Все его беды~~", - неторопливо поддразнила она.

"А как насчет твоих несчастий?" - спросил он. "Или ты такая свободолюбивая, какой кажешься?"

"Мои беды? О, у меня много бед. Барды могли бы написать эпос о моих бедах!"

"И я уверен, что они это сделали".

"Ты разоружаешь меня, шаг за шагом", - сказала она. "Это несправедливо".

"Что именно?" - спросил он.

"Как тяжело мне приходится работать, чтобы заставить тебя улыбаться", - сказала она. "И все, что тебе нужно сделать, это вызвать одну из твоих ухмылок и назвать меня цветком или еще чем-нибудь таким же глупым и малолетним".

"Если честно, мой голос - это трусики, если таковые когда-либо были".

"Хаа..."

"Это еще одна запутанная вещь".

"Что такое?"

"Даже в столетнем возрасте", - сказал он. "Я все еще нахожу юмор семилетнего ребенка... ну, юмористическим. Смешным".

"Это потому, что ты так и не повзрослел", - сказала она. "Тебе стоит поработать над этим".

"Неа. Представьте, что ты пытаешься придумать новую умную шутку каждый новый день. Ну и дела. Звучит просто изнурительно", - сказал он. "Я буду придерживаться истинных и

проверенных шуток о функциях организма. Например, как мое тело функционирует, когда видит твое..."

"Хаа", - перебила она с очередным вздохом, глядя на него косо. "Ты просто никогда не отдыхаешь, да?"

"Ты можешь вздыхать только столько раз, пока твоя прекрасная улыбка не прорвется наружу", - усмехнулся он. "О. Точно. Кстати, о новостях: у меня выросло еще одно сердце. Так что теперь я люблю тебя в три раза больше, чем ты меня. Это даже не поэзия - это научный факт!"

"..."

"Что?"

"Ничего", - сдалась она и улыбнулась, покачав головой. "Я просто представляю, что было бы, если бы я могла помнить все, как ты. Сколько шуток и пробников ты уже испытал, которые я не помню?"

"... Я проверяю многие вещи с каждой новой смертью", - сказал он. "Но шутки все оригинальные, спасибо большое! А что касается пробников, я буду потрясен, если ты не вспомнишь..."

"Хватит. Хватит. Ты выполнил свою квоту ежедневного юмора", - снова перебила она. "Отныне от тебя только умные высказывания".

"... Мне нужно отлить".

"..."

"Что? Мой мочевой пузырь переполнен, и если я буду его сдерживать, он может заразиться или что-то в этом роде. Это умно, нет?"

"Хаа..."

"Отдыхай", - сказал он, вставая. "Завтра предстоит долгая прогулка".

"Сколько еще, Сайлас?" - неожиданно спросила она.

"Чего?"

"Петли", - сказала она. "Как ты думаешь, я имею в виду. Сколько их будет, пока ты не достигнешь того, за чем гонишься?"

"..." он замолчал на мгновение, глубоко заглянув в бесплотные глаза, которые он и по сей день не мог полностью прочитать. "Я не знаю", - честно ответил он. "Это ускорится, однако. В какой-то момент нам придется начать вести сражения - я полагаю, когда мы пересечем равнины Васта́ввы, наша блиц-стратегия уже не сработает. Поэтому все будет зависеть от того, насколько хорошо мы справимся с битвами. Если мы не справимся, то могут потребоваться столетия. Если нет, то, возможно, десятилетия".

"Ты можешь покончить со всем этим", - сказала она. "Возможно, в течение нескольких лет".

"... какой в этом смысл? Я многого не знаю, Аша, но я почти уверен, что как только Вален окажется на троне... я не смогу стоять рядом с мальчиком. Если я просто сожгу королевство и наведу страх божий на граждан... все рухнет через сколько? Через год? Может быть, через два? Кроме того, у меня будут свои битвы. Скорее всего, две, возможно, три, по крайней мере. Не волнуйся. Все образуется".

"..."

Мгновение спустя они расстались, и между ними воцарилось угрюмое молчание. Он знал, почему она спросила - в конце концов, эти поиски... были своего рода бомбой замедленного действия. Для них двоих, то есть. Как только Вален станет королем... квест Сайласа будет завершен. Что ждет его дальше, он не знал, но послушная жизнь... вряд ли.

И снова он вспомнил слова Путешественника о том, что в конце всего этого ему предстоит сделать выбор. Возможно, этот выбор будет между смертью и тем, чтобы остаться рядом с Валеном. Или выбор между тем, чтобы остаться рядом с мальчиком или уйти с Ашей в горы. Или что-то другое. Он не мог знать. Во всяком случае, пока. Но время... время придет. Для других это может показаться вечностью, но для него... это будет миг. Мгновение, и он будет стоять на перекрестке, делая выбор.

http://tl.rulate.ru/book/66231/2680151